

В. Н. СКАЛОН
Кафедра охотоведения

ОХОТОВЕДЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СССР

XX съезд КПСС поставил перед нашим народом задачу огромной важности — освоение всех богатств родной природы в целях скорейшего достижения полного изобилия продуктов питания и сырья для легкой промышленности. На этом пути наряду с основными сельскохозяйственными отраслями — полеводством и животноводством — равного внимания заслуживают и отрасли второстепенные, которые, однако, при надлежащем отношении смогут во многом помочь быстрейшему выполнению этих трудных задач.

Среди таких отраслей далеко не последнее место принадлежит охотничьему хозяйству, дающему пушнину, дичь и многие другие продукты, незаменимые в хозяйственном обороте страны, имеющие в большинстве случаев существенное экспортное значение.

Как и всякая другая хозяйственная отрасль, охотничье хозяйство в успехе своего развития прежде всего зависит от наличия кадров специалистов — от наличия охотоведов высшей и средней квалификации.

Празднуя славный юбилей сорокалетия Октябрьской революции, нельзя не вспомнить, что самое слово охотовед ровесник Октябрю, ибо понятие специалиста по охоте приобрело права гражданства в нашей стране только в послереволюционную эпоху.

Было бы неправильно сказать, что аналогичные понятия в России отсутствовали всегда. Напротив, в древней Руси специалисты по охоте, именовавшиеся ловчими, занимали не последнее место в народной жизни.

Происхождение должности ловчего относится к глубокой древности. О нем упоминает в своем послании к детям Мономах (Сергеевич, 1902). В боярских книгах он упоминается с 1509 года (Терещенко, 1848). Среди московских чиновников того времени ловчий приводится в числе думных дьяков, т. е. представлял собою довольно видную персону (Приготов. свед. 1876). Ловчий пользовался большими полномочиями в княжестве, вплоть до права смертной казни. Он имел свой штат, в том числе двух подручных чиновников. Со стороны князей ловчие награждались землями (Аристов, 1866). Особенно велико было значение ловчих в Западной Руси, Литве и Польше, где охоты исстари уделялось большое внимание. В Литовско-Русском государстве XV века ловчие бывали в Смоленске, Брянске и Витебске, причем в Смоленске это была видная должность (Любавский, 1893). Они заведывали охотой господарей, имея в помощниках ловцов и псарцов. В Полоцке, Витебске, Луцке и Берестейской земле существовали, сверх того, господарские бобровничьи, заведывавшие бобровниками, занимавшиеся борovým охотничьим хозяйством. По этому поводу известна грамота короля Казимира к полоцкому пану Сапеге от 12 августа 1484 г. (Любавский, 1893). В Польско-Литовском государстве возникла целая иерархия специалистов охотничьего дела; мы встречаем здесь «гаевников, лесничих и бобровничьих» (Любавский, 1893). Они, по-видимому, составляли штат ловчих. Ловчий великого княжества Литовского был далеко не последним сановником государства, — говорит Лаппо (1901), — он мог быть даже сенатором. Ловчие ведали большим хозяйством: составляли описание пущ, вели изучение и тщательный учет зверя и ведали всеми формами его использования.

Постепенно звание и роль ловчих мельчали. В делах Сибирского Приказа, ведавшего колоссальными пушно-промысловыми операциями, следов их деятельности мы не находим. Ловчие постепенно превращались в прислугу высокопоставленных охотников.

В Петербургском периоде русской истории место ловчих в придворных кругах заняли «егерьмейстеры», т. е. те же ловчие, но сменившие свое старорусское имя на иностранное. Поскольку после отмены пушной монополии, которая произошла в половине XVIII века, государственное значение в России охо-

та потеряла, за специалистами этого рода осталась только спортивная деятельность. Дошло до того, что, как свидетельствует словарь Даля, под именем ловчего стал подразумеваться просто «главный псарь» (1904—1909).

Постепенно нараставшее оскуднение русской охоты заставило между прочим обратиться к вопросу подготовки кадров специалистов этого дела. Однако первое время такие мероприятия не были серьезными. Так, например, в половине прошлого века при парской охоте в Лисино существовала школа егерей. Только в конце XIX столетия в охотничьих журналах стали появляться статьи, в которых доказывалась необходимость распространения знаний по охоте среди лесничих.

Первым, кто положил начало охотоведческому образованию в России в подлинном смысле этого слова, был А. А. Силантьев. В 1897 г. он начал читать факультативный курс охотоведения при Петербургском Лесном Институте. В 1906 г. ему удалось сделать этот курс обязательным, несколько его сократив, но на пути к этому ему пришлось преодолеть большое сопротивление реакционных элементов ученого совета Института. Под его руководством при Институте начали работать студенческие научные кружки «Любителей правильной охоты» и «Натуралистов-охотников».

До Октябрьской революции Петербургский Лесной Институт был единственным местом, где производилась подготовка специалистов охотничьего хозяйства. Им А. А. Силантьев решил присвоить старо-русское наименование «ловчих» и действительно было выпущено несколько человек со званием «губернских ловчих».

Наиболее известными, оставившими заметный след в литературе из их числа, были проф. Г. Г. Doppельманн, Н. А. Томкевич, В. Н. Троицкий и немногие другие.

Неудачной была попытка осуществить подготовку охотоведов в Москве. В 1911 г. при Московском сельскохозяйственном институте были открыты годовичные курсы. Они существовали до 1917 г., но не оставили следов в охотничьем хозяйстве страны. Надо сказать, что восстановить эти курсы студенческий кружок пытался в 1920 году, но неудачно.

После Октябрьской революции начало подготовки охотоведов, как с легкой руки Д. К. Соловьева стали называться специалистами по охоте, было положено открытием в 1922 г. курсов охотоведения в Москве при Московском лесном институте. В 1923 г. курсы охотоведения были утверждены Главпрофбром и получили значение Высшего учебного заведения.

Московские курсы охотоведения, проходившие при непосредственном участии С. А. Бутурлина, Б. М. Житкова, Н. М. Кулагина, Н. А. Смирнова и Д. К. Соловьёва, выпустили целый ряд крупнейших деятелей охотоведения советского периода; из тех, кто уже отошел, отдав всю жизнь любимому делу, назовем В. П. Зиссера, Н. А. Благовещенского, М. К. Калашникова, В. К. Кадышевского, В. П. Дмитриева, но наряду с ними трудились их сверстники, до сих пор составляющие основные силы советских охотоведов старшего поколения.

В 1925 г. Московский лесной институт закрылся, его студенты были переведены в Ленинград в Лесной институт, и город Ленина стал снова центром подготовки охотоведов.

В Ленинграде над подготовкой охотоведов много трудился проф. В. Я. Генерозов, близко стоявший к этому делу еще до революции. Затем руководство кафедрой возглавил на многие годы проф. Г. Г. Дюпелъманн. Однако в тридцатых годах подготовка охотоведческих кадров в стенах Ленинградского лесного института угасла.

Бурное развитие подготовки кадров для различных отраслей народного хозяйства, которое после Октября началось повсюду в провинции, коснулось и охотничьего дела. Подготовка охотоведов началась в нескольких городах Сибири.

В 1924 г. в Сибирской Сельскохозяйственной Академии в Омске был введен курс охотоведения и биологии охотничьих зверей и птиц. Тогда же там была создана Секция Научного охотоведения, включавшая в 1924 г. 38 членов (Курмангали, 1926). Возглавлял охотоведческое движение в Омске проф. И. Н. Шухов. Надо сказать, что в Омске эта работа не была долговечной. Через несколько лет она была временно переброшена в Красноярск, затем возвращена в Омск, но там более не возобновилась. В своих охотоведческих трудах, продолжавшихся до самой смерти, И. Н. Шухов оставался одиноким.

В 1925 г. в Томском университете начал создавать уклон охотоведения для зоологов проф. В. А. Хахлов. К сожалению, его важное, широко задуманное дело не получило поддержки и не было понято. Оно заглохло, но все же из учеников В. А. Хахлова вышло несколько видных работников охотничьего хозяйства.

Курсы охотоведения и пушного дела, которые открылись при Иркутском университете в 1926 году на правах отделения, сделали два выпуска и были затем перестроены в 1930 г. в Инсти-

тут Охотничье-промыслового и Пушно-мехового хозяйства. Это первое в нашей стране высшее учебное заведение, посвященное подготовке работников охотничьей отрасли, развернуло деятельность весьма успешно. Как и на университетских курсах, к преподаванию были привлечены крупные силы. Из местной профессуры работали зоолог В. Ч. Дорогостайский и этнограф Б. Э. Петри. Из лучших охотоведов принимали участие Н. А. Гагин, В. Б. Подаревский, В. Н. Троицкий... К сожалению, институту не дали возможности окрепнуть. В Иркутске был сделан только один выпуск, после чего все было переведено в Москву в 1934 г.

Выпускники Иркутских курсов и Института хорошо зарекомендовали себя в Сибири. Из тех, кто до последних дней жизни успешно трудился над вопросами охотничьего хозяйства, надо упомянуть Г. С. Власенко и Д. Е. Дорохова, из которых последний до своей гибели на фронте Отечественной войны был занят на пушно-заготовительной работе краевого масштаба.

При переводе в Москву Институт потерял лучших преподавателей и самую свою самостоятельность. Оторванный без всякого разумного основания от основных охотхозяйственных районов, он превратился в «звероохотоведческий» факультет зоотехнического Института. Такое смещение животноводства и охоты не принесло пользы. Институт выпускал «звероохотоведов», «охотоведов-биотехников», «охотоведов-биологов» и все они одинаково мало имели связи с производством, благодаря особенностям учебного плана. Как показал сделанный нами анализ, охотоведческие дисциплины в нем занимали только 15% против 24% дисциплин зоотехнических. По охотоведческим вопросам студенты получали 790 часов, в то время как только разным химиям было посвящено 430 часов. Курьезно то, что в то время как курс зоологии всего занимал 110 часов, как у зоотехников, и всех биологических предметов было 810 часов, выпускники получали титул «биологов». В то же время из учебного плана выпали совсем такие дисциплины как Основы охотоведения, Сравнительная анатомия, Этнография, Физическая и Экономическая география и прочее, что жизненно необходимо для охотоведа (Скалон, 1955). Помимо непосредственного вреда, который причинялся такой подготовкой специалистов охотхозяйственному производству, принятое институтом направление привело к нарастающему отставанию самой теории охотоведения. Развиваться она только и могла в стенах единственного в стране учебного заведения данного характера. Но в нем господствовало псевдонаучное «биотехническое» направление

и прогресс отсутствовал. В результате за 20 слишком лет существования Московского Пушино-Мехового Института не было создано ни одной монографии по вопросам охотничьего хозяйства. Теоретический уровень отрасли остался на границе, которая была в свое время достигнута классическим произведением Д. К. Соловьева «Основы охотоведения», последняя часть которых вышла в 1929 г. Неудивительно, что пришло время, когда МПМИ расформировали и охотоведческую часть его перевели в Сибирь, откуда ее не следовало вовсе переводить в Москву.

Такова краткая историческая справка о подготовке в нашей стране охотоведов высшей квалификации. Справедливость требует упомянуть о том, что кроме того происходила в различных пунктах подготовка охотоведов средней квалификации в техникумах. Такой техникум ряд лет существовал в Якутске под руководством И. П. Щербакова, дав много полезных работников республике. В Москве охотоведов средней квалификации готовил техникум под руководством И. А. Ястребова. В Красноярске ряд лет читал охотоведение в техникуме Е. О. Яковлев. Работа этого рода проводилась также в Иркутском техникуме, где ею руководил В. Н. Демченко. Бесспорно, что подготовка специалистов среднего звена в охотничьем хозяйстве так же необходима, как и в других отраслях и потребует впрямь. Однако надо отметить существенную отрицательную особенность этого в нашем деле. Говоря так, я имею в виду явную обезличку, которая господствует в назначении на должности охотоведов высшей и средней квалификации. Нет сомнения, что среди охотоведов среднего звена встречались особо одаренные личности, которые в своей деятельности не только равнялись с охотоведами высшей квалификации, но и показывали пример творческой научно-производственной работы большого масштаба. Это, например, можно сказать об известном работнике охотничьего хозяйства северо-восточного Приуралья Е. С. Жбанове, чью героическую гибель на фронте мы в свое время оплакивали (Скалон, 1951). Но в среднем разумеется, охоттехники в такой же степени не могут заменять охотоведов как фельдшера врачей и впрямь это должны непременно учитывать все заинтересованные организации.

Как бы то ни было, но выпуски охотоведов и охоттехников вообще были незначительны количественно, нарастали неравномерно и были всегда дефицитными. Между тем советское охотничье хозяйство, зародившись после Октября, развивалось хотя и медленно, но неуклонно и насчитывает немало успехов выдающегося значения. Это объясняется тем, что в закладывании

основ русского охотоведения в XIX столетии, и перед революцией и особенно после Октября, на помощь нашему охотничьему делу приходило много энтузиастов, представителей других профессий, частью смежных с охотоведением, частью вовсе ему чуждых. И роль этих одиночек была весьма ощутима. Среди них мы насчитываем много замечательных имен, которые должны быть памятны каждому охотоведу.

Первым русским охотоведом Д. К. Соловьев по праву называл Л. П. Сабанеева (Охота в СССР, 1926). Этот известный ученый был душою Общества размножения промысловых и охотничьих животных и правильной охоты. Оно было создано в 1872 году и открыло отделения по всей России, до Восточной Сибири включительно. В 1911 году существовало 53 отделения, а из их членов было немало таких, которые после революции многое сделали для охотхозяйства Советской России. Важно подчеркнуть, что общество, основанное Сабанеевым, в отличие от большинства других охотничьих обществ царской России, имело не только спортивное, но и ярко выраженное производственное направление.

Л. П. Сабанеев был зоологом, и из числа зоологов многие посвятили свою деятельность вопросам охоты. Из тех, чья деятельность развертывалась, главным образом, после революции, надо назвать профессоров Б. М. Житкова, В. Ч. Дорогостайского, В. А. Хахлова, И. Н. Шухова, а далее А. Н. Дубровского, А. А. Романова и С. Д. Перелешина. Интересные работы по охоте дал и академик Н. М. Кулагин.

Из числа лесничих в Сибири много сделал А. А. Андреев в Томске и Н. А. Гагин, бывший первым «специалистом по охоте» Иркутской губернии, который вел большую производственную и педагогическую работу в Восточной Сибири.

От этнографии пришел к охотоведению один из его основателей в нашей стране Д. К. Соловьев, а для охотничьего хозяйства Восточной Сибири много сделал Б. Э. Петри.

Среди экономистов, посвятивших себя охотоведению, наибольший вклад в теорию и практику различных его отраслей сделал проф. В. Я. Генерозов. Занимаясь в основном вопросами дичеразведения и оружейной техники, он был инициатором введения в нашу страну ондатры, первый поднял вопрос о создании советских пушных аукционов, много нового внес в познание охотничье-хозяйственной экономики и, наконец, первый поднял вопрос о развитии в России звероводства в широких масштабах. Существенные заслуги М. А. Сергеева в деле упорядочения

охотхозяйственной экономики коренных народностей Сибири, в особенности Дальнего Востока.

Юристом по специальности был проф. С. А. Бутурлин, ставший одним из виднейших работников советского охотоведения, а до революции положивший много труда на борьбу за спасение гибнущего русского охотничьего дела. Для развития охотничьего хозяйства Сибири многое сделали юристы Ю. А. Кудрявцев, Г. Д. Махоткин и Ю. Л. Салин.

Из числа писателей в качестве работников охотоведения оставили след В. Виницкий, С. Качиони, Е. Пермитин, особенно ценные своей охотничье-литературной деятельностью.

Наконец из числа рядовых охотников-энтузиастов ценный вклад в охотничью отрасль сделали В. Н. Каверзнев, Н. В. Туркин, А. А. Ширинский-Шихматов, В. Е. Ушаков.

С благодарностью отмечая большие заслуги перечисленных деятелей и многих, многих других, мы не можем не отметить, что приход в охотоведение людей с чуждой квалификацией, или только с одной любовью к охоте, имел и весьма отрицательное значение. В результате того, что большой процент лиц, называвших себя охотоведами, часто не имел достаточного образовательного ценза, а подчас и вовсе оказывался самозванцами, среди отсталой части хозяйственников и руководителей учреждений создалось убеждение, что охотоведом может быть вообще всякий, кто этого пожелает. Возникла большая недооценка значения охотоведческого образования, остро ощущаемая до сих пор. Ведь даже сейчас начальниками областных и краевых охотничьих инспекций назначают людей, не имеющих никакой специальной подготовки, не говоря уже о том, что такие «специалисты» всюду занимают места не только рядовых, но и старших и главных охотоведов. Особенно печально обстоит дело в области охотустройства. Руководство этими важнейшими мероприятиями, правильное осуществление которых определяет на десятилетия успех хозяйственного развития целых обширных районов, поручается кому попало. Компетентными считают себя землеустроители, геодезисты, геоботаники, в подчинении которых оказываются охотоведы, и следствием этого бывает крупное и бесполезное затрачивание средств, времени и дискредитация государственно важного дела.

Мы приветствуем приход в охотничью отрасль энтузиастов разных специальностей, так как охотоведов высшей квалификации у нас слишком мало. Но здесь, как и во всех других отраслях, должно соблюдаться одно обязательное правило: для

того, чтобы иметь право занимать место охотоведа, человек должен во всяком случае состоять студентом-заочником охотоведческого факультета и постепенно его закончить. В противном же случае, при появлении возможности привлечь к работе охотоведа с высшим образованием, замена должна происходить механически.

В 1950 г. охотоведческое отделение удалось создать при зоотехническом факультете Иркутского Сельхозинститута. Выдвинутое в 1948 г., это предложение встретило ожесточенный отпор как со стороны бывшего Пушно-Мехового Института, так и Главного Управления Сельхозвузов и было осуществлено лишь при непосредственном вмешательстве директивных органов. Главнейшее возражение против создания центра подготовки охотоведов в Сибири было утверждение, что «охотоведов не нужно», что имеется их «перепроизводство» и что надо «сокращать их прием даже в МПМИ». По этому поводу специальные докладные записки не раз подавал бывший декан «охотзверофака» проф. А. М. Колосов и подтверждал их выступлениями на совещаниях. Он же настойчиво высказывался против всякого изменения учебного плана подготовки охотоведов на том основании, что если учебный план изменить, то охотоведам некуда будет бежать, ибо их в таком случае «не возьмут даже в районные зоотехники».

Охотоведческое отделение Иркутского Сельхозинститута имеет целью создавать кадры ученых охотоведов, задачи которых совершенно схожи с теми, которые имеют перед собою агрономы в полеводстве. Преимущественная область их деятельности — производственное охотничье хозяйство, прежде всего охотничьи и смешанные колхозы, а затем государственные и кооперативные охотничье-хозяйственные предприятия, для развития которых в нашей стране имеются неограниченные возможности. Им, разумеется, не чужды так же интересы спортивного охотничьего хозяйства, однако, хотя надобность в них и очень велика, до сих пор еще нет никакой ясности в том, какие формы должны иметь этого рода предприятия.

Охотоведческое отделение еще не вышло из организационного периода. В бытность подчинения Министерству Высшего образования, в сентябре 1955 г. и в начале 1956 г., были даже попытки вообще закрыть его, прекратить подготовку охотоведов в нашей стране совсем с тем, чтобы в университетах... квалифицировать в охотоведы зоологов! К счастью это пагубное намерение было предотвращено. Отделение прочно стало на ноги и можно считать, что сделано главное для обеспечения успеха

его деятельности в будущем. Ценою восьмилетней усердной работы удалось добиться утверждения нового, отвечающего нуждам производства, учебного плана подготовки охотоведов.

Заботясь о постепенном улучшении оборудования, увеличении учебных пособий; работая усердно над собой, коллектив кафедры борется за повышение качества подготовки охотоведов, всячески стремясь к наибольшему приближению его к нуждам производства. На этом пути остается еще много сделать, остается преодолеть немало объективных причин, заключающихся в крупных дефектах оснащения кафедры. Достаточно сказать, что до сих пор еще не удалось создать учебно-опытного охотничьего хозяйства, необходимость которого не возбуждает сомнений. Говоря об этом, нельзя не вспомнить, что в решении правительства о ликвидации в 1955 г. МПМИ и переводе в Иркутск охотоведов была оговорена передача оборудования и штатов. Между тем не были переданы штаты имевшихся охотничьих хозяйств и дело все еще не сошло с мертвой точки. Одной из особенностей подготовки охотоведов является обязательность систематических выездов на охотугодья. Преподавание такой сложной дисциплины, как техника добывания охотничьих животных, прямо зависит от возможности показа всего необходимого в производственных условиях. И, тем не менее, кафедра до сих пор не имеет ни автомашин, ни моторных лодок, что пагубно отражается на успехе дела. В еще большей степени недопустимо отставание организации учебных мастерских. Охотовед должен уметь владеть столярным и слесарным инструментом в таких пределах, как это нужно для создания необходимых ловушек и обращения с огнестрельным оружием. Поэтому нельзя мириться с отсутствием оборудованного кабинета охотничьего оружия и мастерской техники добывания... Многие второстепенные недочеты постепенно исправляются на ходу, но устранение основных препятствий к развитию должного выполнения учебного процесса требует вмешательства руководящих органов.

Важным разделом подготовки охотоведов является полевая практика. Уже с первого года студенты-охотоведы Иркутского Сельхозинститута отправляются на месяц в тайгу, где знакомятся с охотничьими угодьями и условиями производства. При этом обычно посещаются горные леса берегов Байкала, особенно богатый зверем и птицей Баргузинский заповедник. При переходе со второго на третий курс студенты с преподавателями проводят месяц в одном из охотхозяйств Прибайкалья. После третьего курса они выезжают на два месяца практики в разные охотничьи хозяйства страны и в заповедники, для рабо-

ты под руководством местных специалистов. На четвертом — практика проходит в тяжелых зимних условиях, в январе-феврале. Это время неудачно, поскольку охоты собственно не происходит, и его надо изменить. Наконец на пятом курсе кончающие студенты выезжают на практику на целых пять месяцев, проводя в производственных условиях весь IV квартал года.

При обработке материалов, собранных на практике, особенно последней, многие приступают к составлению дипломной работы. Говоря об этом, нельзя не подчеркнуть, что существующая необязательность дипломных работ большая принципиальная ошибка. Дипломная работа есть лучший из критериев для суждения о зрелости специалиста и не может не быть обязательной. Равным образом государственные экзамены есть необходимая проверка усвоения студентами преподаваемых им знаний. Заменять друг друга они не могут, вещи это совершенно разные и должны осуществляться совместно.

Установленными сроками практики связь студентов-охотоведов с производством не исчерпывается. Многие используют для этого время каникул и дни воскресного отдыха. Кроме того, возникла традиция направлять в производственные командировки студентов-отличников в учебное время. Результаты таких поездок бывают очень плодотворны. Так, только за 1956—57 учебный год их было несколько. Студент А. Томшин, помогая старшему преподавателю Н. М. Красному, по приглашению колхоза им. Хрущева, Жигаловского района, Иркутской области, изучал его хозяйство на предмет перехода на охотничьи занятия. В результате был составлен проект, принятый колхозом и одобренный райисполкомом, о радикальной перестройке хозяйства. Аналогичную работу проводил В. Мельников в Киренском районе, Иркутской области, П. Бентхен в Красно-Чикойском районе Читинской области и т. д. Нельзя не подчеркнуть, что ни одна из этих многочисленных командировок не закончилась провалом, ни даже потерей студентом своего положения отличника.

Кафедра охотоведения ведет интенсивную переписку с передовиками-охотниками, специалистами-охотоведами, с колхозами, охотничьими хозяйствами и т. д., постепенно расширяя круг корреспондентов. Поддерживает связь со своими выпускниками. Сотрудники кафедры выезжают на места для консультации и проектирования охотничье-хозяйственного строительства. В этом смысле характерна недавняя поездка П. И. Худякова в Слюдянский район Иркутской области, куда представителя кафедры пригласил райисполком. В результате поездки были выяв-

лены богатые возможности развития охотничьего дела в этом районе, который незаслуженно выпадал из поля зрения заготовительных организаций. Составлены обоснованные рекомендации. В. К. Жаров из года в год ведет библиографию вопросов охоты.

Сотрудниками кафедры за время ее существования опубликовано несколько книг, более 50 журнальных и десятки газетных статей по различным вопросам охотничьего дела и зоологии. Научная работа, непосредственные ассигнования на которую ничтожны, кафедра выполняет по договорам с заинтересованными организациями. С рядом учреждений, как, например, с Байкальской Лимнологической Станцией Академии Наук СССР и Баргузинским заповедником, кафедра связана договорами о творческом сотрудничестве.

Студенческая научная работа кафедры в первые годы ее существования шла очень успешно. Охотоведческим кружком были даже проведены три тематических междуведомственных конференции по бобру, по соболю и по таежному охотничьему хозяйству. Однако впоследствии она несколько ослабела.

Благодаря тому, что охотоведам не умеют найти на местах надлежащих занятий, возникает кое-где пренебрежительное к ним отношение и общая их недооценка. Это сказывается между прочим в том, что зарплата охотоведам устанавливается без всякого соответствия с их квалификацией. Так, например, среди точек, которые предложены охотоведам-выпускникам Иркутского Сельхозинститута, есть должности с оплатой в 500—550 рублей. Чтобы оценить это предложение, надо знать, что такой оклад присвоен так называемым «охотегерям», которые набираются среди людей, имеющих не более чем семилетнее образование.

К этому же вопросу относится и тенденция некоторых руководителей осуществлять сокращение штатов аппарата за счет... охотоведов. В этом серьезнейшая ошибка.

По самым скромным подсчетам, которые сделаны нами на основании ряда материалов, потребность в охотоведах в нашей стране определяется в 2000 человек. Учитывая, что единственное в стране Отделение охотоведения имеет прием в 50 человек, нельзя не признать, что при таких темпах подготовки охотоведов потребность в них можно покрыть в... 40 лет. Но ведь необходимость в них растет. Так, например, сейчас имеются указания об организации 110 государственных охотничьих хозяйств. Для того, чтобы это осуществить, в каждое хозяйство надо привлечь не менее чем 1 охотоведа. Но сейчас у нас негде взять 110 человек надлежащей квалификации.

Отделение охотоведения зоотехнического факультета Иркутского сельхозинститута с удовлетворением отмечает, что большинство его выпускников работает в колхозах и совхозах, преимущественно в районах Крайнего Севера, но всегда меньше, чем потребность в них.

В США специалистов по охотничьему хозяйству готовят в 17 учебных заведениях (Депарма, 1957). По сообщениям из Польши, охотоведение там читается в целом ряде учебных заведений. Но ведь наша страна имеет больше, чем какая-либо другая, возможностей развития охотничьего хозяйства. Нельзя не выразить уверенность в срочности мероприятий по расширению подготовки охотоведов.

Тяга молодежи к охотоведческой специальности огромна. Для поступления на отделение стекаются юноши и девушки со всех концов страны. На одной скамейке сидят абитуриенты из Прибалтики и Приморья, из Архангельска и Алма-Аты, с Камчатки и с Украины. В большом конкурсе стараются они отвоевать право стать оховедами. При таком положении получается возможность отбирать действительно лучших, энтузиастов и отличников. Не удивительно, что уровень студентов-охотоведов несколько выше, чем других студентов, и понятно преобладание отличников на этом отделении против других 8 вузов Иркутска. Наибольшую ценность среди поступающих имеют представители малых народностей Сибири и коренные русские охотники, уроженцы тайги и тундры. Если по отношению первой категории абитуриентов есть основание делать существенную скидку в требованиях при экзаменовке, то вторая категория должна выступать на общих основаниях и им мудро состязаться с отличниками лучших школ крупных городов.

Как бы то ни было, но интересы дела требуют немедленных мероприятий по расширению подготовки охотоведов. Отделение охотоведения надо превратить в факультет. Прием надо увеличить до 100 человек, как минимум. Наряду с этим своевременно поднять вопрос и о создании самостоятельного учебного заведения для подготовки специалистов охотничьего хозяйства.

Необходимость самых серьезных усилий по осуществлению подготовки специалистов для проведения мероприятий по хозяйственному устройству севера заставляет ставить вопрос о создании института особого типа. Институт Северного Хозяйства должен в первую очередь готовить охотоведов, а наряду с ними оленеводов и звероводов. Время для осуществления этой идеи настало.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристов Н. Промышленность в древней Руси. СПб., 1866, стр. 19.
- Даль В. Толковый словарь русского языка, 1901—1909.
- Депарма Н. К. Охотничье хозяйство в США. Рационализация охотничьего промысла. Вып. 6. Центросоюз, М., 1957, стр. 128.
- Курмангали. Секции научного охотоведения. Охотник и пушник Сибири, № 5, 1926.
- Лаппо И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1589). I. СПб, 1901, стр. 369.
- Любавский Н. К. Областное и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания I-го Литовского Статута. Чтения в Об-ве инст. и древн. росс. Оч. 3, кн. 3, оч. 4, кн. 4, 1893, стр. 672, 848, 849.
- Приготовительные сведения для словаря историко-юридического. Архив истор. юрид. свед., относящ. до России, кн. I, М., 1876.
- Сергеевич В. И. Древности русского права, III, СПб, 1903, стр. 381.
- Скалон В. Н. Профиль и учебные планы подготовки охотоведов. Известия Ирк. Сельхозинститута, в. 6, 1955, стр. 249—250.
- Скалон В. Н. Речные бобры Северной Азии, МОИП, М., 1951, стр. 35.
- Соловьев Д. К. Основы охотоведения, тт. 1—5, 1922—1929.
- Соловьев Д. К. Охота в СССР, 1926, стр. 38.
- Терещенко А. Быт русского народа, СПб, 1848, стр. 430, 509.
-